

ДВА ВАРИАНТА ГНОСТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ

Толкование в гностицизме играет весьма существенную роль. Различаясь по форме и по сути, оно проступает во многих привлекаемых для изучения этого феномена материалах. В настоящей статье речь идет о текстах разных типов. Один извлечен из собственно гностического произведения, другие взяты из труда христианского автора, обличителя и знатока "гностической ереси". В известном смысле эти тексты дополняют друг друга, позволяя получить более полное представление о таком явлении, как гностическое толкование.

Остановимся сначала на фрагменте произведения, известного под названием "Пистис София". Оно сохранилось в коптской рукописи сороковых – шестидесяти годов IV в. Датой составления "Пистис Софии" считают тридцатые годы того же столетия¹. Произведение написано в Египте по-гречески, затем переведено на коптский.

"Пистис София" составлена в форме беседы воскресшего Иисуса с учениками. Иисус обещает им раскрыть сокровенные тайны мироздания. Содержание той части произведения, фрагмент которой дан нами в переводе в Приложении, в самых общих чертах таково: Иисус рассказывает о своем вознесении к вышним через мир архонтов и эонов, чью силу он сокрушил. На пути Иисус повстречал одну из сущностей высшего мира, Пистис Софию. Здесь повествование замедляется. Первоначально София обитала на тринадцатом эоне. Возжаждав высшего, она устремила свой взгляд к Свету светов. Архонты двенадцати эонов возненавидели ее и увлекли в вещество, обманув ложным светом. София обратилась с покаянием в гимнах к Свету, моля о помощи. Покаяние было услышано, был послан Иисус, дабы взять ее из хаоса. Пистис София воспела вышнему благодарственные гимны. Иисус водворил Софию туда, где она была прежде – в тринадцатый эон.

Беседуя с учениками, Иисус не только отвечает на их вопросы, но сам задает их. Обращаясь к ним, он призывает разрешить тайны предлагаемых речений, раскрыть их смысл, истолковать услышанное, иначе говоря, складывается ситуация экзегезы. Задержим внимание на том месте беседы, где Иисус передает ученикам второй покаянный гимн, с которым София обратилась к Свету, и призывает к его интерпретации. Соглашается Петр, привлекая для

толкования 70/71 псалом Давида. Таких покаянных гимнов, сопровождаемых толкованием в виде псалмов Давида, в "Пистис Софии" тринадцать. В каждом случае экзегеза строится по одному типу: покаянный гимн интерпретируется с помощью псалма, хотя при создании гимна именно псалом был образцом. О раскрытии сокрытого в гимне смысла, то есть, об интерпретации, говорится в таких выражениях: "разрешение тайны покаяния" (58)², "мысль покаяния" (58), "разрешение покаяния" (59). Утверждается: "это есть то-то".

При первом чтении точки соприкосновения гимна и псалма не бросаются в глаза: гимн поражает своим своеобразием. Сличив же гимн и псалом по отдельным стихам, нетрудно заметить, что в известном смысле близость гимна к псалму немалая. Их отношение друг к другу может быть понято как перевод текста из одной знаковой системы в другую. Этот перевод ведет не к повторению исходного текста в другой знаковой системе, а к появлению нового, хотя сеть соответствий достаточно густая.

Присмотримся к началу гимна и псалма. В первом стихе дана инвокация.

"Свете светов, в тебя уверовала я, не оставь меня во тьме до исполнения времени моего" (гимн);

"Боже, Боже мой, на Тебя уповал я, да не постыжусь вовек" (псалом).

Гимн обращен к Свету светов, "в тебя уверовала я" – поясняет София. Эти слова и следующая дальше мольба с упоминанием о тьме отсылают нас к гностическому мифу. Речь идет о космической драме, одним из действующих лиц которой является эон София – "Я" гимна. Псалом, между тем, предполагает другую содержательную основу, не космическую драму. Инвокация "Боже" уводит к иным представлениям. В коптском переводе псалма "Я" – это человек, взывающий к Богу, гонимый за веру в Него, полагающий в Нем свою опору. Человек, а не космическая сущность.

Второй стих продолжает тему просьбы. При почти полном лексическом совпадении расхождение в одном только слове ("тайны" – "правда") сообщает содержанию существенно разный характер.

"Помоги мне и спаси меня тайнами твоими, приклони ко мне ухо твое и спаси меня" (гимн);

"Избавь меня правдой Твоей и спаси меня; приклони ко мне ухо Твое и избавь меня" (псалом).

Различие ощутимо и в третьем стихе. В гимне испрашиваемое спасение мыслится в пределах эонов высшего. Представление о

многочисленных зонах принадлежит к опорным в гностической мифологии. В псалме же об зонах речи нет. Просьба обращена к Богу. Он один есть "место прибежища".

"Да спасет меня сила света твоего, и да возьмешь ты меня к зонам высшего, ибо ты тот, кто спасет меня, и ты возьмешь меня к высшему зонам твоих" (гимн);

"Будь мне Богом защищающим и местом твердым, дабы избавить меня, ибо Ты – утверждение мое и мое место прибежища" (псалом).

Сравнивая стих четвертый, нетрудно заметить разницу между образами врагов, о которых говорится в гимне и псалме. В гимне это космические сущности, "сила с ликом-львиным", "исхождения сего божественного Дерзкого"; в псалме же читаем о людях – грешных, попирающих Закон.

"Спаси меня, Свете, от руки силы этой с ликом львиным и от рук исхождений сего божественного Дерзкого" (гимн);

"Боже мой, избавь меня от руки грешного, и от руки беззаконного и нечестивого" (псалом).

Если продолжить сопоставление гимна и псалма, можно убедиться, что ключевые понятия и образы, схожие там и тут по своим функциям в тексте, привязаны к двум весьма разным знаковым системам – гностической мифологии гимна и религиозности библейского псалма.

Автору же "Пистис Софии" важно не то, что отличает гимн от псалма, интерпретируемое от интерпретирующего, но, напротив, их единство. Именно на него указывают слова, произнесенные Петром по поводу второго покаянного гимна Софии, услышанного от Иисуса: "... сила твоя пророчествовала некогда через пророка Давида, произведя ее (Софии – М. Т.) покаяние в семидесятом псалме (58). Эти слова с соответствующими изменениями повторяются также при толковании других покаянных гимнов.

Итак, псалмы Давида в "Пистис Софии" играют роль интерпретирующих гимны, создание которых было, собственно, ничем иным, как гностической интерпретацией псалмов. Как объяснить эту парадоксальную ситуацию? Этот вопрос соприкасается с другим: об обстоятельствах и времени создания гимнов. Были разные гипотезы на этот счет. Согласно одной из них³, гимны были созданы автором "Пистис Софии", то есть, мы имеем дело с литературной фикцией. Высказывалось и другое мнение: гимны сложились под влиянием псалмов, задолго до "Пистис Софии", автор же этого произведения, имея перед собой и то, и другое, воспроизвел достаточно типичную картину экзегетических упражнений приверженцев гностического учения под руководством их наставника,

когда интерпретируемым текстом оказывались гностические гимны, а в роли интерпретирующих выступали псалмы. Как бы то ни было, перед нами двойное толкование. Разница в том, считали ли его полностью результатом усилий автора "Пистис Софии" или, так сказать, растянуть во времени, видя первое толкование – в создании гимна по образцу псалма, второе же – при составлении "Пистис Софии", в раскрытии через псалом смысла уже существовавшего гимна.

Таким образом, рассмотренный отрывок, подчиненный теме прояснения смысла, построен по типу перевода текста из одной знаковой системы в другую. Этот семиотический ход типичен для собственно гностических писаний. Его же мы найдем у христианского критика гностиков, Епифания, в повествовании о их обычаях и учении.

Епифаний был автором труда, написанного по-гречески во второй половине IV в. и названного "Панарион", что означает "хлебный ларь". Египетский монах, по происхождению палестинец, ставший в 366 г. епископом Саламина на Кипре, неутомимый охотник за ересями с молодости, Епифаний, объединив собственные наблюдения с каталогами ересей, выполненными его предшественниками, создал произведение, которое может служить хорошим источником для изучения разного рода веяний в первые века христианства. Однако, подходить к его данным следует с осторожностью, в частности, не упуская из виду традиции гностической.

Представления о гностиках и их учениях первоначально складывались в науке на основе сообщаемого их античными оппонентами и христианскими ересиографами, при этом почти полностью отсутствовали собственно гностические тексты. Ситуация изменилась, когда в большом числе были открыты последние. Возникла необходимость как-то согласовать данные, извлекаемые из источников столь разных типов. Так, в общем аскетическая установка документов из Наг-Хаммади подрывала веру в достоверность обличительных картин гностических нравов, подобных тем, что описаны у того же Епифания. В чем видеть причину расхождения источников? Одни исследователи ссылались на сравнительно частный характер собрания из Наг-Хаммади, другие поддерживали мысль, что отталкивающие подробности о гностических ритуалах в произведении христианского автора – обычный прием очернения противника, готовы были смотреть на описания только как на воспроизведение некоторого шаблона. Пытались, наконец, смягчить парадоксальность ситуации и тем соображением, что в истории христианства можно найти следы обычаев весьма древних и чуждых ему.

Что же касается текста Епифания, не имевшего себе равных, по признанию Феодора Студита, среди церковных авторов, которые изучали и описывали ереси⁴, он заслуживает самого внимательного отношения к себе.

Чтобы судить о стиле, в котором выдержано все повествование Епифания, можно привести такой пассаж: "Право, трудно мне передать, до какой степени тупы эти люди тьмы. Ведь я потратил много времени, желая досконально изучить сочинение, которое толкует об этом (речь идет о представлениях, связанных с мифологическим персонажем, названным Норией – М. Т.), объяснить шаг за шагом их нелепые учения, которые носят ложное имя гносиса" (26, 2, 1)⁵.

Весьма существенно для позиции ересиографа замечание, суть которого сводится к следующему: каковы идеи, таково и поведение гностиков. Епифаний пишет: "Вводя эти и другие подобного рода глупости, сторонники гносиса, присоединившиеся к ереси Николая, отпали от истины, не только совратив ум тех, кто им поверил, но и тела и души их поработив блуду и распутству: при отправлении их культа они отдаются оргии самой бесстыдной, устраивая попойки и оскверняя себя плотью человеческой и нечистой" (26, 3, 3). Представление о связи учения и культа отчетливо выражено в описаниях нашего автора.

Начнем с пассажа, который предшествует приведенному выше его утверждению. В нем встречаем выражение "собрать себя" (ἐδυστοῦ ἐν Ἀλέγειν), на которое следует обратить внимание. Вот этот пассаж: "Опираются же они на видения и глупые свидетельства, содержащиеся в евангелии (речь идет об апокрифическом "Евангелии Евы" – М. Т.), которое исповедуют; сказано же там так: "Стал я на высокой горе и увидел человека рослого и другого – укороченного, и услышал я как бы глас грома. И приблизился я, дабы слышать, и проглаголал он мне и сказал:

Я – ты и ты – я;
где бы ты ни был, я там;
рассеян во всех я;
и в чем ни пожелаешь, ты собираешь меня;
но когда ты меня собираешь,
ты собираешь себя самого"

(26, 3, 1).

Комментируя этот отрывок из гностического сочинения в передаче Епифания, крупнейший исследователь гностицизма, покойный французский ученый А. -Ш. Пюэш писал: "Тот, кто являет себя в откровении (the Revealer), иначе говоря, божественная сущность, обнаруживает перед своим собеседником свое тождество с ним,

прибегая к почти стереотипной формуле (ἐγὼ εἶμι καὶ εἶμι ἐγὼ), которая часто употребляется в гностических, герметических, магических и алхимических документах. Это тождество подразумевает, что один везде и всегда присутствует в другом и что оба они причастны единой реальности (there is a co-substantiality between them). "Собрать себя", т. е., собрать реальность (substance) духовной "свето-природы" одного, которая рассеяна в плоти и веществе, возратить и спасти" его" одного высвобождением этого "его" из пестроты мира и восстановлением его в первоначальном единстве – равно тому, чтобы сказать, что один в одно и то же самое время собирает и спасет реальность (substance) или часть реальности другого, которая подобным образом рассеяна, разбросана и заточена в мире"⁶.

Епифанию, христианскому богослову, идея о собирании себя, как собиранию рассеянного света, глубоко чужда. Он не скрывает своего отвращения к ней, именуя все это дьявольским измышлением. В соответствии с мыслью о единстве идеи и практики Епифаний описывает сексуальное поведение гностиков как имеющее опору в их учении. В изобилующем подробностями рассказе о сексуальном поведении гностиков много раз повторяются слова "собрать себя". Они поистине ключевые в тексте Епифания. Именно они позволяют уловить, чем руководствовался Епифаний в компоновке материала, имея целью разоблачить гностическую ересь.

Для начала обратимся к пассажу, в котором обычаи гностиков поданы Епифанием как перевод в культовую практику отвлеченных спекуляций, явно тяготеющих к панпсихизму. "Они говорят, что плоть обречена на гибель и не может быть восстановлена, ибо принадлежит архонту. Напротив, сила, заключенная в месячных очищениях и семени, и есть душа, которую надлежит "собрать" и "съесть". Поедая мясо, овощи, хлеб или что-либо иное, мы оказываем милость тварям, ибо осуществляем собирание души, приданной всякой пище, и перенесение ее к вышним. Вот почему поедают они всякое мясо, говоря, что это значит "иметь жалость к роду нашему". Они утверждают, что одна и та же душа рассеяна как в животных, диких зверях, рыбах, змеях и человеческих существах, так и в овощах, деревьях и растениях" (26, 9, 3-5).

К распространенному среди приверженцев гностического культа обычаю собирания и поглощения мужского семени и менструальной крови Епифаний возвращается неоднократно (26, 4, 2-7; 26, 5, 2-3; 26, 11, 9-11 и др.), он описывает обряд пресечения беременности и поедания плода, изъятого из чрева матери (26, 5, 4-6), практику мастурбации и проч. При этом ересиограф неизменно дает понять, что разгадка этих и подобных им действий зало-

жена в сфере гностических идей. Примеры сексуального поведения, имеющего целью препятствовать деторождению (26, 13, 1 и др.), также соотносимы с подчеркнутым Епифанием резко отрицательным взглядом гностиков на мир с его материальностью.

Заслуживают внимания и те пассажи, в которых Епифаний пересказывает гностические верования о пути души человека после смерти; слова о собирании и рассеянии употреблены ересиографом в знакомом нам смысле. Приведем эти тексты: "Душа, исходя отсюда, проходит через этих архонтов, но она не сможет освободиться от них, если не будет в полноте этого знания (скажем лучше – незнания), и раз уж исполненная им, она избежит рук архонтов и властей. Архонт, владеющий этим миром, змеевиден; он поглощает души, которые не причастны этому знанию. С помощью своего хвоста он возвращает их в мир, чтобы быть им брошенными в свиней и других животных и чтобы эти души снова совершили свое восхождение через этих архонтов. Если кто-то "пребудет в этом знании" и "соберет себя" посредством месячных очищений и истечений похоти, он не будет больше удержан здесь, но освободится от названных выше архонтов" (26, 10, 7–9); "Представляют от имени Филиппа, святого ученика, подложное евангелие; в нем сказано: "Господь открыл мне то, что должна говорить душа при своем восхождении на небо, и как она должна отвечать каждой из вышних сил:

Познала я себя самое
и собрала себя отовсюду.
Не посеяла я чад архонту,
но искоренила я его корни
и собрала рассеянные члены.
Знаю я, кто ты,
ибо принадлежу я к вышним.

Так вот душа "избавлена". Но "если она окажется родившей сына, то задерживается она внизу до тех пор, пока не сможет воспринять собственных чад и вовлечь их в себя" (26, 13, 2–3).

Рассказанное Епифанием есть результат его восприятия действительности, его понимания событий. Естественно возникает вопрос: взаимосвязь идей и поведения гностиков, на которой настаивает Епифаний, – в какой мере это надумано и в какой отражает реальные факты. Поэтому возможность проверить сообщаемое по другим источникам, особенно подлинным гностическим текстам, очень ценна.

Епифаний говорит о том, откуда он черпал материалы для своего повествования (26, 18, 1). Это, во-первых, устные сведения, приобретенные им при общении с еретиками, во-вторых, письмен-

ная информация (книги еретиков), в-третьих, услышанное им от свидетелей, достойных доверия (речь идет о церковных авторитетах). Он пишет: "Их (гностиков – М. Т.) книги многочисленны" (26, 8, 1). Он называет "Вопросы Марии" (отсылки к этому несохранившемуся произведению есть в тексте Епифания), множество книг, посвященных Иадабаофу, связываемых с именем Сифа (в собрании из Наг-Хаммади имеются сочинения подобного рода), "Откровение Адама", наконец, апокрифические евангелия с именами учеников (такие евангелия также теперь известны не только в цитатах, но и полностью – по тому же собранию из Наг-Хаммади). В приведенном выше пассаже (26, 13, 2) Епифаний цитирует гностический текст, уточняя, что он – из "Евангелия от Филиппа". В коптском апокрифе того же названия такого изречения нет. Но имя апостола Филиппа было столь чтимым среди гностиков, что вероятно возможность многих текстов, к нему возводимых.

Что касается расхожих гностических идей, они переданы Епифанием довольно точно. Важно найти подтверждение описанному им обрядовому поведению, ибо оно, по Епифанию, связано у гностиков с их учением отношением смысловой зависимости. Некоторые указания в источниках на этот счет есть.

Так, в "Пистис Софии" (397) говорится: "Фома сказал: "Мы слышали, что есть на земле такие, которые берут мужское семя и женскую кровь месячных, кладут это в чечевицу и едят, приговаривая: "Мы верим в Исава и Иакова"⁷. Подобаает ли это или нет?" Иисус же разгневался на мир в тот час и сказал Фоме: "Воистину говорю я: "Сей грех превыше всех грехов и беззаконий". Об этом поведении сказано далее как о самом тяжком преступлении человека, за которое душа его обречена на полное уничтожение. Сопоставив это упоминание в "Пистис Софии" с рассказом Епифания о пожирании человеческого плода (26, 5, 4–6)⁸, убеждаемся, что отношение к описываемому равно нетерпимое и у христианского богослова и у гностического автора.

В этой же связи можно вспомнить еще одно гностическое произведение, сохранившееся на коптском, где при перечислении тех, кто не приобщится тайнам, сказано: "... и не будут они (тайны – М. Т.) даны тем, кто служит восьми силам великого архонта, т. е., тем, кто поглощает кровь месячного очищения и мужское семя, говоря: "Мы знаем истинное знание и молимся истинному богу". Но их бог дурной. Слушайте же, я открою вам его место. Он есть третья сила великого архонта, имя его: Тарихос, сын Саваофа, Адамас. Он враг небесного царства, и лик его – кабана, зубы его – клыки, и другой лик – льва – сзади" // Йеу, гл. 42/⁹.

Итак, что можно сказать, сравнив эти сведения? Разумеется, при анализе данных Епифания о гностических ритуалах и учениях нельзя обойти вопроса о его взглядах, пристрастиях, целях, общей схеме, манере письма и т. д. Но только этим объяснять все описанное им – крайность. Он знал гностические тексты. Его утверждение, что гностики соотносили свои обряды с учением, видимо, не было простым вымыслом, но имело реальные основания.

Налицо расхождение гностической и антигностической традиции. С одной стороны, обряд описан и сурово осужден в цитированных выше собственно гностических источниках, с другой, тот же обряд трактуется Епифанием как подтверждение чудовищной сути учения гностиков. Противоречие в показаниях источников, казалось бы, очевидно, тем не менее, нет необходимости отказываться как от ложного от того или другого свидетельства. Надо только считаться с гетерогенностью гностических учений. Установка на "собрание себя" могла по-разному преломляться в сознании философствующих мистиков, склонных к умозрению, и приверженцев так называемого "народного гносиса", тяготевших к обрядовому поведению, уходившему корнями в глубокую древность. Один и тот же текст мог бы осмысленным в гностицизме как метафорически, так и в сугубо конкретном духе.

Что же касается рассмотренной в первой части статьи выдержки из "Пистис Софии" с гимном Софии и псалмом Давида, а также приведенных во второй части данных из Епифания о гностиках, они, при всех отличиях, имеют между собой и нечто общее. Они раскрывают особенности гностического толкования: в первом случае – вводя в атмосферу словесной экзегезы, во втором – демонстрируя соответствие гностического мифа обрядовому поведению.

ПРИЛОЖЕНИЕ

"Пистис София", 42–62

Предлагаемый ниже перевод коптского текста выполнен нами по изданию К. Шмидта (см. прим. 2). Работая над русским переводом мы учли также французский и немецкий переводы: ΠΙΣΤΙΣ ΣΟΦΙΑ (Pistis-Sophia). Trad. par Amélineau E.; Koptisch-Gnostische Schriften. Bd. I: Die Pistis Sophia. Die Pistis Sophia. Die beiden Bücher des Jeü. Unbekanntes altgnostisches Werk hrsg. von C. Schmidt. 2 Aufl. bearbeitet ... von W. Till. Berlin. 1954.

Перевод начинается со слов Иисуса.

42 "И было потом: восшел я к завесам тринадцатого зона. И было: когда подошел я к их завесам, они сами раздвинулись и открылись предо мной. Вошел я в тринадцатый зон, нашел я Пистис Софию ниже тринадцатого зона, совсем одну, рядом с ней никого из них не было. Сидела она в этом месте, скорбя и горюя, ибо не взяли ее в тринадцатый зон, ее место в вышних. И снова скорбела она из-за страданий, которые причинил ей сей Дерзкий, тот, кто один из Троеильных. Но это, – когда я буду говорить с вами о его исхождении, я скажу вам тайну, как это случилось.

43 И было: когда Пистис Софиа увидела меня, светившегося весьма, весьма, не было меры света, который был на мне, она впала в большое смятение, и она взглянула на свет моего одеяния. Узрела она тайну ее имени на одеянии и всю силу тайны, ибо была она вначале в местах вышних, в тринадцатом зоне. Но воспевала она свет в вышних, тот, который узрела на завесе Сокровищницы света. И было: когда продолжала она воспевать свет в вышних, воззрились все архонты, которые при двух великих Троеильных, и ее невидимый, связанный с ней, и двадцать два других исхождений невидимых, – ибо Пистис Софиа и ее супруг, они и другие двадцать четыре исхождения, те, которыми изшел великий Пропатор невидимый, он и два великих Троеильных."

И было: когда Иисус сказал это его ученикам, вышла вперед Мария, она сказала: "Господи мой, я слышала тебя, сказавшего однажды: "Пистис Софиа – сама вне двадцати четырех исхождений", – и почему она не в их месте? – но ты сказал: "Я нашел ее ниже тринадцатого зона".

44 Иисус ответил, он сказал его ученикам: "Было: Пистис Софиа была в тринадцатом зоне, месте всех ее братьев невидимых, это есть двадцать четыре исхождения великого невидимого; и было: по заповеди первой тайны, обратила взор Пистис Софиа к вышнему. Увидела она свет Сокровищницы света, и пожелала идти в то место, и не могла она идти в то место. Однако прекратила она совершать тайну тринадцатого зона, но воспевала свет в вышнем, который узрела в свете завесы Сокровищницы света.

И было: в то время, как воспевала она место вышнего, все архонты, которые были в двенадцати зонах, те, что внизу, возненавидели ее, ибо прекратила она их тайну и пожелала идти к вышнему и быть надо всеми ними. Этого ради разгневались они на нее и возненавидели ее; и сей великий Троеильный Дерзкий, то есть, сей третий Троеильный, который в

тринадцатом зоне, тот, который не послушался и не изошел всей чистотой его силы, бывшей в нем, и не дал чистоты его света в то время, когда архонты отдали их чистоту ему, – пожелал, между тем, стать господином надо всем тринадцатым зоном и теми, которые ниже его.

- 45 И было: когда архонты двенадцати зонов разгневались на Пистис Софию, которая была выше них, они весьма возненавидели ее. И сей великий Троесильный Дерзкий, о котором я ныне сказал вам, сам присоединился к архонтам двенадцати зонов; и он сам разгневался на Пистис Софию и весьма возненавидел ее, ибо помыслила она идти к свету, который выше него; и он изошел великой силой с ликом львиным; и из его вещества, которое было в нем, он изошел другим множеством вещественных исхождений, очень жестоких, и послал их в пределы нижние, в части хаоса, чтобы там теснили они Пистис Софию и взяли у нее ее силу, потому что она помыслила идти к вышнему, который надо всеми ними, и потому что она прекратила дальше совершать их тайну. Но была она упорна, горюя и ища свет, который узрела. И возненавидели ее архонты, которые держались или были утверждены в тайне, которую они совершали. И далее возненавидели ее все стражи, те, кто у врат зонов.

- 46 И было: затем, по заповеди первой заповеди, сей великий Дерзкий Троесильный преследовал Софию в тринадцатом зоне, чтобы она обратила взор к частям нижним, увидела бы его силу света в этом месте, ту, которая с ликом львиным, и пожелала бы ее, и пошла бы к месту этому, и взяли бы они свет у нее.

- И было: затем взглянула она вниз и увидела его силу в частях нижних. И не знала она, что та – от сего Троесильного Дерзкого, но она думала, что та – из света, который узрела прежде в вышнем, того, который был на завесе Сокровищницы света. И помыслила она: пойду я в сие место без супруга моего, возьму свет, создам из себя зоны света, чтобы могла я идти к Свету светов, который в вышнем вышних. В то время как помыслила она это, вышла она из ее тринадцатого зона и сошла в двенадцатый зон. Архонты зонов преследовали ее и гневались на нее, ибо замыслила она найти их величие. Она же вышла из двенадцатого зона и сошла в пределы хаоса и приблизилась к силе света с ликом львиным, дабы пожрать ее. И великая сила света с ликом львиным пожрала силы света в Софии, очистила ее свет и пожрала его. И ее вещество бросили в хаос. Стало оно архонтом с ликом львиным в

хаосе, половина его была от пламени, другая половина – от тьмы. Был он – Иалдабаоф, тот, о котором говорил я вам множество раз. Когда же это случилось, ослабела София весьма, весьма. И опять начала эта сила света с ликом львиным, дабы взять все силы света у Софии; и все вещественные силы сего Дерзкого окружили Софию разом, теснили они ее. Громко воззвала Пистис София, к Свету светов, воззвала она, тому, который от начала узрела, в который уверовала. Произвела о́нэто покаяние, так говоря:

1. О, Свете светов, тот, в который от начала уверовала я. Услышь же ныне, Свете, покаяние мое. Спаси меня, Свете, ибо злые мысли вошли в меня.
- 48 2. Взглянула я, Свете, на части нижние, узрела я там свет и помыслила: пойду я к тому месту, чтобы свет сей взять. И пошла я и оказалась во тьме, той, что внизу хаоса. И не смогла я вырваться оттуда, дабы пойти к месту моему, ибо теснима была всеми исхождениями сего Дерзкого. И сила с ликом львиным взяла свет мой, что у меня.
3. И воззвала я о помощи, и не вырвался вопль мой из тьмы, и обратила я взор мой к вышнему, дабы Свет помог мне, тот, на который уповала я.
4. И когда обратила я взор мой к вышнему, увидала я всех архонтов эонов многочисленных, и взирали они на меня и насмехались надо мною, хоть и не сделала я им ничего злого, но ненавидели они меня без причины. И когда исхождения сего Дерзкого увидали архонтов эонов насмехающихся надо мной, они поняли, что архонты эонов не помогут мне, и осмелели они, эти исхождения что теснили меня силою. И свет, тот, который я не отбирала у них, они отобрали у меня.
5. Ныне же, Свете истины, ты знаешь, что я сделала сие в простоте моей, думая, свет с ликом львиным тебе принадлежит. И грех, который я содеяла, открыт пред тобою.
6. Не дай же мне убавиться, Господи, ибо уповала я на твой Свет от начала. О, Господи, о, Свете силы, не дай мне убавиться в моем свете.
7. Ибо тебя ради и света твоего в тесноте я, и позор покрыл меня.
- 49 8. И света твоего ради стала я чужой моим братьям невидимым и великим исхождениям Барбело.
9. Было сие со мною, о, Свете, ибо взревновала я о месте обитания твоего. И пал на меня гнев сего Дерзкого, – того, кто не послушался повеления твоего, чтобы исходил он в исхождение его силы, – ибо оказалась я в его зоне, не совершив

его тайны.

10. И смеялись надо мною все архонты эонов.

11. И вот, я в этом месте, горюя и ища Свет, тот, что зрела я в вышнем.

12. И искали меня стражи врат эонов, и все те, кто в тайне его пребывал, надо мною глумились.

13. Я же устремила взгляд мой к вышнему, к тебе, Свете, и уповала на тебя. Ныне же, Свете светов, теснима я во тьме сего хаоса. Коли хочешь ты придти, чтоб спасти меня, велико твое милосердие, ты услышь меня поистине и спаси меня.

14. Спаси меня от вещества этой тьмы, дабы я не погибла в ней, чтобы спаслась я от исхождений сего божественного Дерзкого, тех, что притеснили меня, и от их злодеяний.

15. Да не поглотит меня эта тьма, и эта сила с ликом львиным да не пожрет целиком всю силу мою. И хаос этот да не покроет силу мою.

50 16. Услышь меня, Свете, ибо блага милость твоя, и призри на меня по полноте милосердия твоего.

17. Не отврати лица твоего от меня, ибо сильно истерзана я.

18. Скоро услышь меня и спаси силу мою.

19. Спаси меня архонтов ради, что ненавидят меня, ибо ты, знаешь ты тесноту мою и муку мою и муку силы моей, ту, что взяли у меня. Пред тобою посеявшие меня во все эти злодеяния. Поступи с ними по благоволению твоему.

20. Взирала сила моя из хаоса и из тьмы. Ждала я супруга моего, не явится ли он, не сразится ли за меня, — и не прибыл он. И ждала я, не явится ли он, не даст ли силы мне, — и его не нашла я. И когда искала я свет, они дали мне тьму.

21. И когда искала я силу мою, они дали мне вещество.

22. Ныне же, Свете светов, тьма и вещество, которыми облекли меня исхождения сего Дерзкого, да станут они им ловушками и да попадут они в них, и да воздашь ты им, и соблазнят-ся они, и не вступят они в место Дерзкого их.

23. Да пребудут они во тьме и да не видят света; да взирают они на хаос всякое время и да не обратят взора к вышнему.

24. Обрушь на них их месть и да обымет их твой закон.

51 25. Да не вступят они в их место с сего времени к их божественному Дерзкому, и да не вступят его божественные исхождения в их места с сего времени, ибо нечестив и дерзок их бог, и он мыслил, что совершил он злодеяния эти от себя, сам не ведая, что если бы не смирилась я по заповеди твоей, не имел бы он власти надо мною.

26. Но когда смирил ты меня по заповеди твоей, преследова-

ли они меня еще более, и исхождения их приложили страдание к смирению моему.

27. И взяли они силу света у меня, и вновь начали, весьма теснили они меня, дабы свет весь, что во мне, взять. Того ради, во что высеяли они меня, да не поднимутся они в тринадцатый эон, место правды.

28. И да не причтутся они к наследию очищающихся со светом их, и да не причтутся они к тем, которые скоро покаются, дабы скоро получить тайну в свете.

29. Ибо взяли они у меня свет мой. И стала оскудевать во мне сила моя. И убавилась я светом моим.

30. Ныне же, Свете, который в тебе и которбый во мне, воспеваю я имя твое, Свете, в славе.

31. И да будет, Свете, гимн мой угоден тебе как тайна возшенная, та, что вводит во врата света, та, которую изрекут те, кто покается, и которой светом они очистятся.

52 32. Ныне же да возвеселятся все вещества; ищите все свет, дабы сила вашей души, которая в вас, была жива.

33. Ибо свет внял веществам. И не оставит-он никакие вещества без того, чтобы не очистить их.

34. Да восхвалят Господа всех эонов души и вещества, и вещества и все, что в них.

35. Ибо Господь спасет их душу из всякого вещества. И уготовят град в свете. И все души, которые спасутся, пребудут в том граде, и унаследуют они его.

36. И душа тех, которые тайну получают, пребудет в том месте. И те, которые получили тайну во имя Его, пребудут в ней."

И было: когда Иисус сказал эти слова его ученикам, он сказал им: "Это гимн, который рекла Пистис София в своем первом покаянии, каюсь в своем грехе и говоря обо всем, что произошло с ней. Ныне же тот, кто имеет уши слышать, да услышит он."

Снова вышла вперед Мария и сказала: "Господи мой, есть уши у моего человека света, и слышу я в моей силе света, и твой дух, который во мне, он отрезвил меня. Услышь же, что говорю о покаянии, которое произвела Пистис София, говоря о грехе своем и обо всем, что произошло с нею. Сила твоя пророчествовала некогда об этом через пророка Давида в шестьдесят восьмом псалме:

53

1. Избавь меня, Боже, ибо воды дошли до души моей.

2. Погряз я или погиб в тине преисподней, и не было у меня силы; опустился я в глубины морские, буря поглотила меня.

3. Исстрадался я, зывая; гортань моя охрипла; очи мои убы-

ли, в то время как уповал я на Бога моего.

4. Многочисленнее волос на голове моей ненавидящие меня без причины; усилились враги мои, преследующие меня несправедливо; чего не грабил я, они отняли у меня.

5. Боже, Ты узнал безумие мое; и грехи мои сокрыты от Тебя.

6. Да не постыдятся во мне надеющиеся на Тебя, Господи, Господи сил; да не посрамятся во мне ищущие Тебя, Господи, Боже Израилев, Боже сил.

7. Ибо Тебя ради взял я на себя поношения, позор покрыл лицо мое.

8. Стал чужим я братьям моим, чужим сынам матери моей.

9. Ибо ревность по дому Твоему снедала меня; поношения поносящих тебя (в рук.: меня) пали на меня.

10. Согнул я постом душу мою: это стало мне в поношение.

11. Я облекся по вретище; стал я для них притчею.

12. Кричали обо мне сидящие у ворот, и распевали обо мне пьющие вино.

54 13. Я же молился в душе моей Тебе, Господи; время благоволения Твоего, Боже; по полноте милости Твоей услышь о спасении моем поистине.

14. Избавь меня от этой тины, дабы не погрязнул я в ней; да спасусь я от ненавидящих меня и от глубины вод.

15. Да не поглотит меня пучина; да не пожрет меня преисподняя; да не схватит меня колодезь пастью своею.

16. Услышь же меня, Господи, ибо блага милость твоя; по полноте милосердия Твоего призири на меня.

17. Не отврати лица Твоего от раба Твоего, ибо скорблю я.

18. Услышь меня скоро; внемли душе моей и избавь ее.

19. Спаси меня врагов моих ради, ибо Ты, знаешь Ты поношение мое, и позор мой, и посрамление мое. Все оскорбляющие меня пред Тобою.

20. Сердце мое ждало поношения и страдания; ждал я того, кто будет скорбеть со мною, – не нашел я его, и того, кто утешит меня, – не обрел я его.

21. Они дали желчь в пищу мою; они напоили меня уксусом в жажде моей.

22. Да будет трапеза их пред ними ловушкою, и сетью, и воздаянием, и соблазном.

23. Согни хребет их навсегда.

24. Прелей на них гнев Твой, и ярость гнева Твоего да обымет их.

25. Да будет жилище их пусто; никто да не живет в жилище их.

26. Ибо кого Ты поразил, они преследовали его; они приложи-

ли к боли ран его.

- 55 27. Они приложили беззаконие к беззакониям их; и да не войдут они в правду Твою.
28. Да истребятся они из книги живых; и да не напишутся они вместе с праведниками.
29. Я же – бедный и который страдал; благо лица Твоего, Боже, прияло меня к себе.
30. Восхваляю я имя Бога моего с песнию и возвеличу Его в хвалении.
31. Будет это более угодно Богу, нежели телец юный, вздымающий рога и копыта.
32. Да узрят бедные и возвеселятся. Ищите Бога, дабы души ваши были живы.
33. Ибо Господь внял бедным. И не пренебрег Он теми, кто в медных оковах.
34. Да восхвалят Господа небо и земля, море и все, что в нем.
35. Ибо Бог спасет Сион, и созиждутся грады иудейские, и поселятся там, и унаследуют его.
36. Семя рабов Его удержит его и любящие имя Его пребудут в нем.”

И было: когда Мария сказала эти слова Иисусу посреди учеников, она сказала ему: ”Господи мой, это есть разрешение тайны покаяния Пистис Софии.”

- 56 И было: когда Иисус услышал Марию, сказавшую эти слова, он сказал ей: ”Хорошо же, Мария, блаженная, плерома или всеблаженная Плеромы, та, которую будут ублажать во всех родах.”

Иисус снова продолжил речь, он сказал: ”Пистис София снова продолжила, воспевала она еще во втором покаянии, так говоря:

1. Свете светов, в тебя уверовала я, не оставь меня во тьме до исполнения времени моего.
2. Помоги мне и спаси меня тайнами твоими, приклони ко мне ухо твое и спаси меня.
3. Да спасет меня сила света твоего, и да возьмешь ты меня к зонам высшего, ибо ты тот, кто спасет меня, и ты возьмешь меня к высшему зонов твоих.
4. Спаси меня, Свете, от руки силы этой с ликом львиным и от рук исхождений сего божественного Дерзкого.
5. Ибо ты, Свете, тот, в чей свет я уверовала.
6. И уповала сама я на свет твой от начала. И уверовала я в него с того времени, когда изошел он мною, и ты сам – тот, кто изошел мною, и сама я уверовала в свет твой от начала.

7. И когда уверовала я в тебя, издевались надо мною архонты зонов, говоря: "Прекратила она тайну ее." И ты тот, кто спасет меня. И ты – спаситель мой, и ты – тайна моя, Свете.

8. Уста мои наполнены славою, дабы рекла я тайну величия твоего во всякое время.

9. Ныне же, Свете, не оставь меня в хаосе при исполнении всего времени моего, не оставь меня, Свете.

10. Ибо взяли они всю силу у меня. И окружили меня все исхождения сего Дерзкого, и восхотели они весь свет мой взять сполна, и наблюдали они за силой моей.

11. Между тем говорили они друг с другом в то время: "Свет оставил ее (в рук.: меня). Захватим ее и возьмем свет весь, тот, что у нее."

12. И сего ради, Свете, не уйти [тебе] от меня; обротись, Свете, и спаси меня от рук немилостивых.

13. Да будут найдены они и да будут бессильны хотящие взять силу мою; да облекутся они во тьму и да будут в бессилии хотящие взять у меня силу света мою.

И это второе покаяние, которое произвела Пистис София, воспевая свет."

И было: когда Иисус сказал эти слова его ученикам, он сказал: "Понимаете ли вы, как говорю я с вами?" Вскочил Петр, он сказал Иисусу: "Господи мой, не можем мы терпеть эту женщину, отнимающую у нас место и никому из нас не дающую говорить, но говорящую много раз."

Иисус ответил, он сказал его ученикам: "Тот, в ком сила духа его восплачет, дабы понял он то, что я говорю, да выйдет он вперед и скажет. Однако ныне ты, Петр, – вижу я в тебе силу твою, постигающую разрешение тайны покаяния, которое произвела Пистис София. Ныне же ты, Петр, скажи посреди братьев твоих мысль ее покаяния." Петр же ответил, он сказал Иисусу: "Господи, услышь, говорю я мысль ее покаяния, о котором сила твоя пророчествовала некогда через пророка Давида произведя ее покаяние, в семидесятом псалме:

1. Боже, Боже мой, на тебя уповал я; да не постыжусь вовек.

2. Избавь меня правдой Твоей и спаси меня; приклони ко мне ухо Твое и избавь меня.

3. Будь мне Богом защищающим и местом твердым, дабы избавить меня, ибо Ты – утверждение мое и мое место прибежища.

4. Боже мой, избавь меня от руки грешного, и от руки беззаконного и нечестивого.

5. Ибо Ты, Господи, надежда моя, Господи, Ты – упование

мое от юности моей.

6. Утвердился я в Тебе от утробы; Ты извел меня из чрева матери моей. Память моя о Тебе – всякое время.

7. Был я как эти глупцы для многих; Ты помощь моя и утверждение мое; Ты спаситель мой, Господи.

8. Уста мои наполнены хвалением, дабы восхвалял я славу величия Твоего целый день.

9. Не отвергни меня во время старости; когда оскудеет душа моя, не оставь меня.

10. Ибо враги мои злословили меня и стерегли душу мою, держали они совет о душе моей.

11. Между тем, говорили они в время: "Бог оставил его; бегите и берите его, ибо нет того, кто спасет его."

12. Боже, внемли помощи ради моей.

13. Да постыдятся и оскудеют клеветующие на душу мою; да облекнутся стыдом и срамом ищущие мне зла.

И это есть разрешение второго покаяния, которое произвела Пистис София.

Спаситель ответил, он сказал Петру: "Прекрасно, Петр, это есть разрешение ее покаяния. Вы, блаженны вы сверх всех людей, которые на земле, ибо открыл я вам эти тайны. Воистину, воистину, говорю я вам: я исполню вас во всех плеромах от тайн внутреннего до тайн внешнего. И я наполню вас духом, дабы называли вас "духовный, исполненный во всех плеромах". И воистину, воистину говорю я вам: дам я вам все тайны всех мест Отца Моего и всех мест первой тайны, чтобы тот, кого вы примете на земле, был принят в свет Вышнего, и тот, кого вы отвергнете на земле, был отвергнут от царствия Отца Моего на небе. Однако ныне слушайте и услышите все покаяния, которые произвела Пистис София.

Она снова продолжила, произвела она третье покаяние, говоря:

1. Свете сил, внемли и спаси меня.

2. Да убавятся и будут во тьме хотящие взять у меня свет мой. Да будут обращены к хаосу и постыдятся хотящие взять силу мою.

3. Да будут обращены скоро ко тьме теснящие меня и говорящие: "Стали мы над ней господами".

4. Но да возрадуются и возвеселятся все ищущие свет, и да рекут всякое время: "Да возвеличится тайна", – хотящие тайны твоей.

5. Я же, ныне, Свете, – спаси меня, ибо убавилась я светом моим, который взяли они, и нуждаюсь я в силе моей, которую

взяли они у меня. Ты же, Свете, – ты спаситель мой, и ты тот, кто спасает меня, Свете; скоро спаси меня из сего хаоса.”

Было же: когда Иисус сказал эти слова его ученикам, говоря: ”Таково третье покаяние, которое произвела Пистис София”, – он сказал им: ”Да выйдет вперед тот, в ком возвысился дух чувствующий, и скажет мысль покаяния, которое произвела Пистис София.”

И было: Иисус еще не кончил говорить, вышла вперед Марфа, пала к ногам его, поцеловала их, воззвала, заплакала в крик и со смирением, говоря: ”Господи мой, помилуй меня и будь милосерд ко мне, оставь меня, дабы сказала я разрешение покаяния, которое произвела Пистис София.”

И подал Иисус руку Марфе и сказал ей: ”Блажен всякий человек смиренный, ибо он помилован будет. И ныне, Марфа, блаженна ты. Но поведай же разрешение мысли покаяния Пистис Софии”. Ответила же Марфа, она сказала Иисусу среди учеников: ”О, Господи мой, Иисусе, о покаянии, которое произвела Пистис София, пророчествовала некогда твоя сила света через Давида в шестьдесят девятом псалме, говоря:

1. Господи, Боже, внимли помощи ради моей.

2. Да постыдятся и посрамятся ищущие душу мою.

3. Да будут обращены тотчас и постыдятся говорящие мне: ”Хорошо же, хорошо же”.

4. Да возрадуются и возвеселятся о Тебе все ищущие Тебя и рекут всякое время: ”Да возвеличится Господь”, – любящие спасение Твое.

5. Я же, я бедный, я нищий, Господи, помоги мне; Ты помощник мой и защита моя; Господи, не медли.

И это есть разрешение третьего покаяния, которое произвела Пистис София, воспевая вышнего.”

И было: когда Иисус услышал Марфу, сказавшую эти слова, он сказал: ”Хорошо же, Марфа, и прекрасно.”

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Tardieu M., Dubois J.-D. Introduction à la littérature gnostique. I. CERF / C. N. R. S., 1986. P. 66, 80.

2. Пер. с коптского выполнен нами по: Schmidt C. Pistis Sophia. Coptica 2. Copenhagen. 1925. Пагинация рукописи дана по этому изданию.

3. Kragerud A. Die Hymnen der Pistis Sophia. Oslo. 1967.

4. Цит. по: Tardieu M. Epiphane contre les gnostiques // *Tel Quel*. 88 (1981). P. 64.

5. Перевод пассажей из ”Панарион” выполнен нами с лейпцигского издания текста К. Холла.

6. Puech H.-Ch. Gnostic gospels and related documents // Hennecke. NT Aporocrypha. V. I. London, 1963. P. 242.

7. Намек на библейскую легенду, согласно которой Исаа продал свое право первородства Иакову за чечевичную похлебку – см. Amélineau E.

ΠΙΣΤΙΣ ΣΟΦΙΑ. Paris. 1895. P. 201.

8. "Послушайте о том, еще более ужасном, что осмеливаются они делать, если один из них проникнет нежданно истечением семени во вход влагалища и женщина станет беременной. Извлеки зародыш, чуть только смогут ухватить его пальцами, они берут этого выкинутого новорожденного и замешивают его в ступе с помощью песта. Они вмешивают внутрь мед, перец, некоторые другие приправы, так же как и пахучие масла, чтобы не было рвоты. Приступая тогда к своему ритуальному сборищу, все эти последователи культа, созданного для свиней и собак, зачерпывают каждый пальцем частицу младенца, растертого в кашу. Разом завершив это людоедское обжирание, они обращают тогда к богу такую молитву: "Мы не были обмануты владыкой дохоти, но собрали плод преступления брата". Они верят, что это "пасха совершенная".

9. Koptisch – gnostische Schriften. I. Band. Die Pistis Sophia. Die Beiden Bücher des Jeu. Unbekanntes altgnostisches Werk. Herausgegeben von C. Schmidt. 2. Aufl. 1954. Berlin. S. 304.